

დამოწმებანი:

ბაქრაძე 1990: ბაქრაძე აკ. *მწერლობის მოთვინიერება*. თბილისი: რუსთაველის საზოგადოების გამომცემლობა „სარანგი“, 1990.

რატინი 2015: რატინი ი. *ქართული მწერლობა და მსოფლიო ლიტერატურული პროცესი*. თბილისი: თსუ გამომცემლობა, 2015:

წიფურია 2016: წიფურია ბ. *ქართული ტექსტი საბჭოთა/პოსტსაბჭოთა/პოსტმოდერნულ კონტექსტში*. თბილისი: 2016.

პოპიაშვილი 2011: პოპიაშვილი ნ. *ქართული პოსტსაბჭოთა ლიტერატურა კულტურული იდენტობის დისკურსში*. თბილისი: 2011.

Maria Filina

Georgia, Tbilisi

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

Russian Literature in Georgia at the end of XX – Beginning of XXI Century (public role and teaching)

In Georgia, in the XX century, a fundamental school of Russian studies and the study of Georgian-Russian literary relations was established. Russian literature has become an integral part of Georgian culture, there was a close connection between the intellectual elite of the two countries.

After the collapse of the USSR and in the 1990s, this atmosphere was dispelled, the attitudes were overestimated, there was an undoubted orientation of Georgia to other values, including cultural ones.

The new generation was isolated from Russian culture. Political processes have different passions, sometimes cruelty. The world has ceased to be literary-centric, the vector of mental perception has changed irrevocably.

Nevertheless, interest in Russian literature remains, Russian-Georgian literary relations are developing, but in a different format. And in this situation it is very important to develop a new methodology for the study of Russian literature at all levels – from school to University.

Key words: Georgian-Russian literary relations, a new methodology for the study of Russian literature.

Мария Филина

Грузия, Тбилиси

Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили,

**Русская литература в Грузии в конце
XX – начале XXI столетия
(общественная роль и преподавание)**

В Грузии в XX веке, как известно, была создана фундаментальная школа русистики, в частности, по исследованию русской литературы и грузино-русских литературных и культурных взаимосвязей. Назовем, к примеру, труды ведущего литературоведа, многолетнего зав. кафедрой истории русской литературы Тбилисского государственного университета профессора В.С.Шадури (Шадури 1946; Шадури 1947; Шадури 1948; Шадури 1949; Шадури 1951; Шадури 1958; Шадури 1958; Шадури 1966; Шадури 1968; Шадури 1979; «Шумит Арагва предо мною...» 1974; «За хребтом Кавказа: 160 лет со дня рождения М.Ю. Лермонтова» 1977; «Сквозь столетия: художественные произведения, документы, статьи, очерки, мемуары, письма, речи» 1983).

В области истории русской литературы и русско-грузинских взаимосвязей работали известные ученые, профессора С. Данелия, А. Чхеидзе, В.Г. Натадзе, Г.И. Талиашвили, Г.М. Гиголов, Т.П. Буачидзе, Л.Д. Хихадзе, М.Г. Микадзе, И.С. Богомолов, Д.А.Тухарели, Н.Г. Надибаидзе, Н.Л. Поракишвили, их ученики профессора М.А.Филина, М.А. Тухарели, И.И. Модебадзе, Т.Г. Мегрелишвили, И.А. Дзнеладзе и другие. В 1970-1980-е годы в Тбилиси особенно интенсивно проводились всесоюзные и международные конференции, связанные с русской литературой – Пушкинские и Лермонтовские конференции, симпозиумы по древнерусской и древнегрузинской литературе в Пушкинском Доме АН СССР и Тбилисском государственном университете, разного рода Дни литературы. В 1980-е годы в ТГУ по инициативе известного ученого и поэта профессора К.С.Герасимова были проведены два Международных симпозиума по сонету. Материалы конференций издавались отдельными томами, на русском языке выходили десятки научных и научно-популярных изданий по русской литературе.

История русской литературы преподавалась во всех вузах Грузии, в которых были отделения русского языка и литературы, в Тбилисском государственном университете этот курс читался (помимо филологического факультета) на историческом факультете и факультете журналистики.

Русскоязычная среда в Грузии была весьма обширной, русская литература, со всей ответственностью можно заявить, стала неотъемлемой частью грузинской культуры, деятели русской культуры были тесно связаны с грузинской интеллектуальной элитой. Выпускники русских школ Грузии, были известны далеко за пределами республики, многие педагоги, а тем более преподаватели вузов, оканчивали престижные университеты России, проходили стажировку в ведущих вузах и академических институтах, защищали диссертации в Москве и Петербурге. Литература преподавалась на таком высоком уровне, что значительная часть грузинской интеллигенции воспринимала ее как родную или как почти родную. Русская филология была престижной специальностью. В 1970-80-е годы конкурс на русское отделение филологического факультета ТГУ доходил до 10-12 человек на место.

Тот факт, что русские классики черпали в Грузии вдохновение, создавал особую атмосферу присутствия русской словесности в этой стране, точнее, неотъемлемости русской литературы от грузинской жизни. Декабристы, А.С.Грибоедов, А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов стали частью грузинской духовной культуры. Л.Н.Толстой свои первые творения создал в Грузии, М.Горький дебютировал в Тбилиси, В.Маяковский родился и вырос близ Кутаиси. Примеры можно множить. В XX столетии содружество литераторов стало легендарным, достаточно вспомнить связь Б. Пастернака с грузинскими поэтами. В 1950-1960-х в Грузии публиковались русские поэты, чьи произведения не могли выйти в свет в центре. Целая плеяда «шестидесятников – Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, А.Битов и другие считали Грузию своей поэтической родиной. Все эти сплетения судеб создавали особую атмосферу причастности к русской литературе, возможно, восприятие русской культуры почти как родной было даже преувеличенным, но это явление было реальным и органичным.

Вся эта атмосфера в 1990-е была рассеяна, ценности не только переоценены, а сломлены, и новое поколение оказалось в изоляции от русской культуры. Более того, политические процессы и отношения отличались накалом страстей, порой особой жестокостью. Тональность взаимоотношений от почти безмерной благостности перешла в нервно-агрессивную. Для русистов ребром встал вопрос, выживет ли целая традиционная отрасль науки Грузии и, если выживет, то в каком виде... В первую очередь это, естественно, сказалось на функционировании и преподавании русской литературы.

Следует отметить, что менее всего отторжение, вызванное политическими конфликтами, коснулось литературы, но в данном случае имел место целый комплекс проблем, наложившихся на политические перемены. Во-первых, русская литература сразу перестала быть родной, выросло целое поколение, оторванное от русской культуры и ее реалий. Контакты силой вещей были или разорваны или весьма ограничены, русский язык перестал быть повсеместно употребимым. Во-вторых, были введены новые программы, в которых число кредитов, отведенных на литературу, резко сократилось. В школе литература также стала занимать второстепенное место, это касается не только русской, но и родной грузинской литературы. Изменилось отношение и потребность в академических исследованиях. И, наконец, в целом трансформировалась роль литературы во всем мире и на постсоветском пространстве. Этот комплекс факторов, естественно, изменил и востребованность литературы, и ее преподавание.

В один из моментов обострения политических отношений наших стран, в начале 2011 года автору этих строк довелось участвовать в телепрограмме «В узком кругу». Я оказалась в одиночестве в компании трех противников развития русского языка в Грузии, среди них был и ведущий (так было задумано руководством весьма политизированного и ныне не существующего канала ПиК). Все три собеседника: ведущий, режиссер и врач-издатель (случается и такое сочетание), в один голос заявляли, что рады постепенному сокращению и даже исчезновению русского языка и культуры из жизни общества. Скажем прямо, дискуссия, объектом которой стала судьба русского языка в Грузии, вызвала разноречивые отклики, но

многие представители элиты грузинской интеллигенции встали на мою сторону. Никогда в жизни не могла себе представить, что мне придется выступать в защиту русской культуры или языка, а уж тем более брать на себя смелость высказываться каким-то образом от имени русской культуры. Но сегодня тем, кто причастен к преподаванию, а я – историк русской литературы, порой приходится вставлять свое слово в драматическую дискуссию, затрагивающую многие важные вопросы не только науки, но нашего существования. Тезисно представлю свои аргументы в споре.

Наверное, никогда ни один язык со всем тем, что он в себе несет – то есть культурный код, литературное наследие и многое иное, не оказывался в столь сложной ситуации, как русский язык в Грузии. С одной стороны – колоссальные традиции культурных взаимосвязей, безусловное культурное поле, создававшееся на стыке культур. С другой стороны – переоценка ценностей после развала СССР и безусловная ориентация Грузии на иные ценности, в том числе культурные.

И в этом сплетении непримиримого, где каждая составляющаяся является реальностью, культурные достижения обретают новые очертания, они сплетаются с эмоциями, с осознанием ухода от старого мира. В такой ситуации любые крайние мнения вполне естественны и имеют под собой основания. И многое, что было очевидным, нуждается в защите. Тем более, что выясняется – культура под натиском жестокости становится хрупким организмом. И торжественные заявления о том, что культурные связи столь крепки, что они никогда не исчезнут, оказываются наивными и не подтверждаются жизнью.

В этой ситуации самым важным стало то, что грузинский народ выдержал испытания политических боев и не обратил своей ненависти ни на русский народ, ни на его культуру. Да, слом произошел. Но в школах продолжают изучать русский язык, выходят русскоязычные издания, русская речь не вызывает неприятия. Конечно, русский стал иностранным, его ареал сократился. Но тот заряд общей жизни, тот социальный пласт в которой занимали свое место граждане, для которых русский является родным, или необходимым, оказался достаточно мощным.

Для будущего наших детей надо оставить какой-то “подкожный” слой культуры, память о культурных ценностях, кладовые культуры. Для этого кто-то, выражаясь пастернаковскими словами, должен найти в себе силы смотреть “поверх барьеров”, поверх политических барьеров, и не опускаться до дешевых обвинений в адрес языка, литературы и культуры. А такого безобразия достаточно и в России, когда в прессе позволяют совершенно недопустимые выходки в адрес грузинских традиций и культуры.

Да, вектор интересов и ментального восприятия изменился бесповоротно. Никто не спорит о необходимости изучения английского и других языков. Нечего спорить об очевидном. Удивляет альтернатива: английский или русский. Неужели мы должны говорить по-английски с украинцами, казахами и со всем русскоязычным пространством? Имеется даже мнение, высказанное в передаче “В узком кругу”, что отказ от русского привел к лучшему владению грузинским. Однако это абсурдно и не означает, что нужно полностью потерять то богатство, что создавалось лучшими представителями народов на протяжении столетий. Иначе получится как в романе Татьяны Толстой “Кысь”, где то ли после взрыва, то ли после какой-то глобальной катастрофы бродят люди, которые не помнят ничего из наследия культуры, лишь порой у них в памяти всплывают имена типа “Пушкин”, которые не ассоциируются с их носителями.

Изучение русского языка, а с ним и основ культуры на данном историческом этапе должно носить прагматический характер. Скажем, в Польше, у которой более чем сложные отношения с Россией, русский язык в годы социализма был в школах обязательным. Потом его почти радостно отменили. А сейчас, по прошествии двух десятилетий, на отделение русистики в разных университетах Польши конкурс с каждым годом растет. Таковы новые реалии. Да и рынок требует своего. И у нас может возникнуть такая необходимость. Недопустимо потерять еще существующий живой русский язык, свести на нет ту богатейшую научную и культурную базу, которая создавалась поколениями. И может случиться, что потом придется начинать с нуля. А ведь любое начало с нуля после потери богатства – гораздо хуже, чем просто начало с чистого листа.

К чести Тбилисского государственного университета надо сказать, что даже в самые трудные для него времена глобальной реформы отношение к русистике как органической части университетского образования не изменилось. Конечно, она многократно сократилась в объеме. Но это живой процесс. И коллеги с пониманием относятся к тем переменам, которые затронули русистов. Со стороны университета к нам отнеслись с большим вниманием, чем со стороны российских структур. Но это отдельная тема.

В настоящее время история русской литературы входит в программу направления «русистика» Тбилисского государственного университета им. Ив.Джавахишвили – основной курс в программе бакалавриата и специальные курсы в магистратуре. В бакалаврской программе курс состоит из 20 кредитов (4 семестра по 5 кредитов) – история русской литературы I-IV (древнерусская и XVIII век, первая половина XIX века, вторая половина XIX века и история литературы XX века). Как курс, восполняющий XX век, поскольку ему отведен лишь один семестр, я предложила курс «Литература русской эмиграции» (кстати, он пользуется наибольшей популярностью). Для русистов 20 кредитов являются обязательными, но на историю литературы могут записываться студенты со смежных специальностей в качестве свободных кредитов. Имеется еще один курс факультетского значения – всемирная история (история русской литературы). Он выборный, и предлагается история различных литератур. Курс рассчитан на один семестр.

Интерес к русской литературе, естественно, несравним с прежними временами, но поддерживается на определенном уровне и даже возрастает. В последние годы в Грузию переселились грузинские и смешанные семьи из России, дети окончили русскую школу, и число поступающих на отделение русистики увеличилось (на первом курсе около 25 человек).

Естественно, требуется иной подход к преподаванию истории русской литературы, который подразумевает не только методические новации, но, в первую очередь, пересмотр мировоззренческих позиций самого педагога. Причем это касается не только методики преподавания, но и вопросов функционирования и роли литературы в современности, вопросов психологии и социологии. Перес-

мотор мировоззренческих позиций подразумевает освобождение от идеологических установок, особенно когда речь идет о литературе XX столетия. Это само собой разумеется, хотя данный процесс достаточно сложен и сопровождается метаниями в разные стороны. Однако мы имеем в виду более многозначный процесс.

Одной из незыблемых установок до 1990-х годов была уверенность в том, что школа берет на себя главную воспитательную функцию, а в школе воспитывает в первую очередь родная литература.

Русская литература, как известно, принципиально отличается от остальных литератур. Это литература известных всем вечных вопросов, поисков на них философских ответов, постоянных душевных переживаний рефлектирующего героя. Лишь высшие ценности считались достойными внимания «большой» русской литературы. Развлекательная функция, а в связи с этим развлекательная литература считалась беллетристикой второго, а то и последнего ряда. Ученик сразу погружался в мир внутренних переживаний героя, и к концу обучения в школе должен был сложиться стереотип, по которому ответы на все вопросы нужно искать в словесности, хотя этих ответов, всем известно, так и не было найдено.

Мне довелось год преподавать в 10 и 11 классах русской школы в Тбилиси. Когда, рассказав о том, какое впечатление в России произвело появление «Преступления и наказания», я спросила, что прочувствовали мои ученики, дети ответили честно: «Мы видим и слышим по телевидению каждый день о стольких убийствах, что убийство одной, даже двух старушек уже не трогает». Тогда я осознала, что эти дети – жертвы свалившегося на них потока информации, более всего стрессовой. И воспринимают они текст в первую очередь информационно, по типу «Что? Когда? Где?» Задачей педагога, является, по-видимому, внедрение в сознание следующего: «Что, когда и где?» могут все. Отличие большой литературы и классики от репортажа в том, что она задается вопросом «Как? Почему? Зачем?». Казалось бы, это прописная истина, но пробиться от «Что?» к «Как?» весьма сложно. Для этого надо вырабатывать «душевный, эмоциональный психологический анализ». И тут уже встают иные задачи и вопросы, чем просто классические «Что делать?» и «Кто виноват?» Кстати, вопрос «Кто виноват?» в его философском формате

интересует нынешнего среднестатистического ученика или студента менее всего. Вопрос «Что делать?», естественно, интересует, но, пожалуй, не в том плане, как переустроить всю Россию, что сделать для всего народа или человечества.

Нынешнее поколение более конкретно. Этот вопрос означает для них, что делать с собственной жизнью, ее перспективами, как вписаться в реальность и как в ней найти собственное место. Русская классика менее всего ставила этот вопрос в данном ракурсе. Не настаиваем на том, что ее нужно приспособливать для нужд современности, но классика на то и классика, что каждое поколение читает ее по-своему. Поэтому надо добиваться того, того, чтобы, во-первых, ее читали, то есть захотели читать, а во-вторых, чтобы студенты научились находить нечто созвучное их проблемам. Один факт следует осознать четко. Сегодняшнего студента нельзя заставить читать силой и понимать текст так, как хочется педагогу.

На наше поколение можно было обрушить поток словес из некоторых вузовских учебников, сквозь которые надо было продирались, чтобы выловить какой-то фактический материал, особенно если это оказывались учебники по XX веку, где идеологические установки были самыми жесткими. В этих учебниках больше скрывалось за словами, чем говорилось прямо, многие писательские фигуры или не упоминались вовсе или упоминались в таком контексте, что надо было владеть целым инструментарием подводного смысла, аллюзий, подтекста, чтобы сквозь славословия в адрес соц. реализма осознать контуры литературного процесса. То есть предшествующие поколения в совершенстве владели эзоповым языком, нынешнему поколению он не нужен в таком объеме.

Мы не хотим сказать, что язык литературы стал примитивным. Напротив, литературные игры постмодернистов подразумевают владение литературным контекстом прошлого, многослойностью, отсылками в сознание читателя давних времен. Но это касается серьезной литературы, предназначенной для профессионального читателя. Задача профессуры как раз готовить такого читателя, но нет надежды, что им может стать каждый не только учащийся, но и студент. А работать надо с каждым. Сегодня студент может выбирать. И начинает оценивать знания как свой багаж, который он в будущем

может применить на рынке труда, то есть очень рано начинает выбирать, что ему нужно, а что ему совсем не обязательно. Обучение носит ныне более, чем когда-либо, диалогический и взаимозависимый для педагога и ученика характер. М.Мид сформулировал это так: *«Мы, взрослые и дети, вместе осваиваем меняющийся мир и учимся жить в нем; в том числе не только дети учатся у взрослых, но и взрослые учатся у детей»* (Мид 2004: 3).

Возможно, никогда ранее в таком сокрушительном темпе не происходила смена социальных и культурных, в том числе литературных парадигм, и педагогика как область традиционная не всегда успевает за этими процессами.

Для предшествующих поколений, в том числе для поколения основного педагогического состава, книга была главным источником не только знаний, но и воспитания, и становления мировоззрения (естественно, наряду с иными видами искусства, а позже – телевидения). Поэтому преподавание литературы предполагало воспитательную функцию. Нынешнее поколение учеников и студентов получает информацию из иных источников, в первую очередь через Интернет и телевидение. Данная тенденция воспринимается педагогами как драма. Жизнь требует пересмотра и, если угодно, приспособления к психотипу современного учащегося. Безусловно, это нелегкая переориентация.

Уже цитированный автор отмечает: *«Во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникационной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших, и наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями нов, он глобален и всеобщ»* (Мид 2004: 4).

Пожалуй, нельзя назвать поколения (особенно 40-50-летних педагогов), на долю которого выпало столько трансформационных перемен. Мы имеем в виду даже не реформы, а структурные преобразования общественного строя. Это психологическое напряжение в преподавании, в первую очередь, сказывается в отношении к литературе, поскольку, как принято, она отвечает на вопросы «как жить» и «что такое хорошо и что такое плохо». Мало того, что сами

педагоги живут в эпоху, когда уравнение с этими вечными вопросами обросло многими «неизвестными», эти педагоги имеют дело с учениками, которые для них являются генерацией с совершенно иным типом восприятия. Приходится смириться с тем, что проблема «отцов» и «детей» стала в нашем поколении особо острой.

Поэтому следует пересмотреть не только методику, не только психологический подход, но и набор текстов, предлагаемых для изучения, а также вводить новые параметры и в передаче информации, и в осознании того, что воспитательная роль литературы значительно снизилась. Как ни парадоксально звучит, до классиков, возможно, не первого, а второго ряда, тоже добралась конкуренция. Это тем более сложно, что с позволения сказать, «классики второго ряда» необыкновенно богатой русской литературы в некоторых других литературах могли быть классиками самого первого ряда. Следует осознать и то, что, как уже было сказано, для сегодняшних учеников литература даже конца XX века, которая педагогами все еще продолжает восприниматься как современная, отошла в далекое прошлое. Та литературная атмосфера, которая воспринимается преподающим как часть его жизни, для ученика совершенно неизвестна.

Целый ряд сложностей накладывается при преподавании русской литературы на пространстве стран бывшего Советского Союза. В данном случае проблемы возрастают многократно. Русская литература из неотъемлемой части образования превратилась в роскошь своего рода, без которой можно обойтись. Казалось бы, это не должно касаться будущих специалистов-филологов, но в реальности они читают гораздо меньше, чем их предшественники. Многие исторические факты, географические и иные реалии, которые ранее были на поверхности, нынешним студентам неизвестны вообще. Мы с России.

Приведем простейший пример. Если раньше «город Петра», «Петра творенье» сразу ассоциировался и с эпохой его основания, и с его политическим и культурным значением, то сегодня сплошь и рядом ученики и даже студенты задают вопрос: «А Петр это кто?» Далее выясняется, что они не только не знают, что в Петербурге

бывают наводнения, но и не представляют, какая река там протекает. Сказанное относится в большей степени к ученикам нерусских школ, но и в русских школах вне России, оторванных от исторической и культурной среды, оказавшихся в изоляции от страны, которая дала их родной язык, ситуация со страноведением плачевна. Приходится объяснять то, что раньше было само собой разумеющимся, тратить на это много времени и сил. И все же уже, к примеру, пушкинская поэма о Петре становится произведением иностранной литературы.

В такой ситуации выбор текстов, создание учебников, справочников разного рода являет собой задачу совершенно новаторскую. Это должны быть комплексные издания, рассчитанные и на новую психологию, и на новую среду. Помимо учебников нужно подключить возможности Интернета. В данном случае важно любым способом заинтересовать юное поколение. Конечно, нельзя снижать планки настолько, чтобы предлагать лишь информационную или развлекательную литературу, но как средство дополнительное они также могут с успехом использоваться.

То, какую роль русская литература может играть в дальнейшем, к примеру, в Грузии – предмет отдельного разговора. Причем, достаточно болезненного. Но именно через культурные ценности, через литературу возможно (хотя бы частичное) восстановление разорванных многовековых кровных связей.

Безусловно, русская литература не нуждается в рекомендациях. Она настолько самоценна, что интерес к ней не исчезнет. Но она, как и любое иное явление, нуждается в современном преподнесении, иначе ее преподавание может стать анахроничным. Мы далеки от того, чтобы откидывать все старые методы и рушить их «до основания, а затем...» А тем более не следует отказываться от опыта старших педагогов. Нет ничего более опасного, чем разрыв традиций, с чем мы имели и, увы, имеем дело. Видимо, следует искать «золотую середину», найти которую всегда сложнее всего...

Литература:

Мид 2004: Мид М. *В Герменевтика в гуманитарном знании*. Санкт-Петербург: 2004.

Шадури 1946: Шадури В. «Грибоедов и грузинские литературно-общественные круги 1820-х годов». Тбилиси: 1946.

Шадури 1947: Шадури В. «Первый русский роман о Кавказе». Тбилиси: 1947.

Шадури 1948: Шадури В. «Грузия в русской литературе» (Сб.: «Русские писатели о Грузии»). Тбилиси: 1948.

Шадури 1949: Шадури В. «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н.Я.Николадзе». Тбилиси: 1949.

Шадури 1951: Шадури В. «Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии». Тбилиси: 1951.

Шадури 1958: Шадури В. «Выдающиеся деятели русской культуры о Грузии». Тбилиси: 1958.

Шадури 1958: Шадури В. «Декабристская литература и грузинская общественность». Тбилиси: 1958.

Шадури 1966: Шадури В. «Пушкин и грузинская общественность». Тбилиси: 1966.

Шадури 1968: Шадури В. «Ленинградский университет и деятели грузинской культуры». Тбилиси: 1968.

Шадури 1970: Шадури В. «Максим Горький и деятели грузинской культуры». Тбилиси: 1970.

Шадури 1979: Шадури В. «Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Вольховском». Тбилиси: 1979.

Шадури 1974: Шадури В. сборники «Шумит Арагва предо мною...» Тбилиси: 1974.

Шадури 1977: Шадури В. «За хребтом Кавказа: 160 лет со дня рождения М.Ю.Лермонтова». Тбилиси: 1977.

Шадури 1978: Шадури В. «Поэтический край: Н.Г.Чернышевский и грузинская общественность». Тбилиси: 1978.

Шадури 1983: Шадури В. «Сквозь столетия: художественные произведения, документы, статьи, очерки, мемуары, письма, речи». Тбилиси: 1983.